

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(37)

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.126-136

ЛЕГИТИМАЦИЯ НАСИЛИЯ В ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ МАРИАНЦЕВ И СУЛЛАНЦЕВ

А.О. Кудратов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье на основе анализа методологических подходов предложен метод реконструкции римского понимания насилия. С опорой на него поставлен вопрос о том, почему в Римской республике убийство по политическим мотивам в разных контекстах в одних случаях могло квалифицироваться как насилие, в других – нет. Выявлены маркеры, посредством которых античные авторы выказывали негативное отношение к насильственным действиям. На основе полученных выводов в конце статьи к рассмотрению предложены сценарии, посредством которых в Римской республике периода гражданских войн I в. до н. э. могло быть легитимировано насилие. Показано, что, во-первых, если гражданский вооруженный конфликт перерастал в настоящую войну, то отношения между согражданами как членами одного коллектива отходили на второй план, уступая место отношениям «победитель – побежденный». Во-вторых, месть для римлян выступала очевидным мотивом для применения насилия. В-третьих, в целях легитимации насилия против римских граждан могла быть использована формальная сторона законов, изначально предназначенных для их защиты.

Ключевые слова: история Римской республики, легитимация насилия, Плутарх, гражданские войны в Древнем Риме, гражданские войны Мария и Суллы

В контексте гуманитарного знания концепт насилия имеет множество смысловых граней, а потому довольно трудно поддается определению. Сама возможность рассмотрения его в разных измерениях лишь осложняет попытки дать дефиницию.

Подступиться к этой задаче, сделать первый шаг можно, условно выделив политическое и антропологическое представления о насилии, определив их различия. Это два смысловых поля, в которых возможно размышление о насилии, – антропологическое и политическое. Оговоримся, что в данном тексте не ставится задача проследить историю развития названных методологических подходов, они используются здесь для того, чтобы обозначить некоторые рамки для безграничного понятия насилия.

Выбор именно этих стратегий, конечно, не случаен. Антропологический подход связан с самой постановкой проблемы исследования, с попыткой получить новое знание о римской истории с точки зрения восприятия людей, живших в ту эпоху. Методологический подход, основанный на учете политического контекста,

просто необходимо включить в рассмотрение ввиду сложившейся в истории мысли ситуации, когда насилие как концепт рассматривалось именно в рамках политической теории или – еще шире – в тесной связи с понятием власти. Намеченная смысловая связь понятий «политика – власть – насилие» справедлива и относительно историографии истории Рима. Так, исследователь Джуди Гауган отмечает, что акт злонамеренного убийства тесным образом связан с эволюцией политической власти в Риме. Право на убийство имеет место в двух ключевых определениях власти: *patria potestas* (право главы семейства убить члена семьи) и магистратский *imperium* (позволяющая отнять жизнь власть римлянина, занимающего какую-либо из высших должностей). Автор прослеживает связь между трансформацией республиканской власти и изменениями трактовки понятия об убийстве в Древнем Риме (см. [1, p. 1]).

Основной вклад политической теории определяется ее попытками категоризовать, выверить, выстроить причинно-следственные связи относительно концепта насилия. Антропологический подход в плане построения теорий несколько проигрывает, но является крайне интересным и даже необходимым, если речь заходит об анализе проблемы насилия в истории. Об этом красноречиво сказал Марк Блок, сравнивая историка с людоедом, который идет на запах «человечины» [2, с. 18].

Применительно к истории Древнего Рима достаточно написано о войне, о кровавом спорте. Научные исследования, специально посвященные насилию на римской почве и его легитимации, составляют во всем этом многообразии совсем малую часть. К тому же в работах по данной тематике представления римлян о смерти часто рассматриваются сами по себе, без «наведения мостов» с общей картиной [3]. И лишь совсем небольшая часть исследователей полагают, что они проливают свет на осмысление политического насилия в Древнем Риме.

Так, Вилфред Ниппель в своей книге «Общественный порядок в Древнем Риме» уделяет данному феномену целую главу, носящую соответствующее название “Late Republican political violence” («Политическое насилие времен Поздней Республики») [4, p. 47–70]. Четкого определения насилия у него мы не встретим, но, обратив внимание на примеры, которые он разбирает, можно сделать вывод, что насилие автор понимает как решение политических противоречий методами противоположными мирным. Проще выразить то, о чем ведет речь исследователь, можно словосочетанием «народные волнения».

Эндрю Линтотт заявляет целью своего исследования изучение отношения римлян к насилию, а также законы, касающиеся насилия [5]. Он считает, что насилие всегда играло значительную роль в урегулировании частных споров, где оно было постепенно ритуализировано в судебный процесс, но в то же время оставалось в своей естественной форме внесудебной самопомощи. При этом исследователь не пытается осмыслить феномен насилия, он лишь показывает историю через призму казусов, связанных с насилием.

Ни один из указанных авторов не предлагает полного осмысления, как, впрочем, и дефиниции политического насилия. Отмеченные исследователи рассматривают насилие, уповая на узнаваемость и ясность понятия, что, несомненно, ведет к модернизации исторического прошлого.

В историографии пример недостаточной силы права в отношении насилия подсказывает уже упомянутая Дж. Гауган. Она считает, что убийство в римском обществе изначально не было преступлением и постепенно начало становиться таковым только после Суллы. Происходило это через принятие различных законодательных актов, касающихся насилия в государственной и частной сферах [1, p. 141].

В такой интерпретации снова сталкиваемся с позицией институциональной истории, когда термин, во всех смыслах предполагающий антропологический подход, по инерции рассматривается в рамках «классической» политической истории в тесной связи с властью и войнами.

Оставляя на этом теорию, приведем определение насилия, принимаемое в настоящей работе. *Насилие – это трагически воспринимаемое убийство.* Трагическое в данном случае означает, что случилось убийство, которого можно было бы избежать. Иначе говоря, связано оно с ответственностью человека, а не с роковыми обстоятельствами. Из понимания ответственности следует и необходимость легитимации насилия, то есть объяснения убийства. Необходимость легитимации вызвана тем, что убийство произошло преднамеренно, а значит, требует объяснений. Немаловажным здесь становится контекст гражданской войны, который для изучения представлений римлян о насилии является определяющим. Если война для них – это фактически их уклад, то смерть на войне – это норма. Ситуация же гражданской войны, когда граждане одного города воюют друг против друга (под звуки труб и впервые по военному обычаю), – это для римлян противоестественно, воспринимается трагически и как насилие. Соответственно, оно требует легитимации.

В противовес Дж. Гауган, которая говорит о понимании убийства скорее в юридическом ключе, что подчеркивается как в самом названии монографии, в котором упоминается связь понятий убийства и преступления, так и в постановке исследователем проблемы, в данной статье термин «легитимность» используется в несколько ином значении. А именно – в том смысле, в каком его понимал Ю. Хабермас: легитимация как принцип, как основание для построения каких бы то ни было правил, в том числе юридических [6].

Как уже было отмечено, насилие всегда подспудно содержит вопрос о своей легитимности по причине того, что имеется другой вариант – ненасильственный. Повествование о конфликте Мария и Суллы дает нам весьма много примеров проявления насилия. Закономерен вопрос: как Сулла и Марий легитимируют насилие, чинимое ими над согражданами?

В сочинениях римских авторов ситуации насилия, как правило, описываются отстраненно, будто бы глазами стороннего наблюдателя. События представляются последовательно, в уста героев повествования не вкладывается речей ни о какой легитимации, ни о каких попытках объяснить насилие и хоть как-то его оправдать.

В начале непосредственного развертывания конфликта камнем преткновения стал вопрос о командовании в походе против Митридата. Сулла получил его, так как был консулом. В какой-то момент с помощью интриг партии марианцев удалось провести закон, по которому командование предстоящим походом переходило к Марию. Сподвижник Мария, Сульпиций Руф, послал в военный лагерь

людей, чтобы те организовали передачу войска Марию (Plut. Sulla. 8). Здесь важно отметить ключевой момент, совпадающий практически у всех авторов: причина войн кроется в индивидуальных интересах, именно разворот от интересов государственных к личным является корнем раскола в обществе. В изложении Плутарха: «...Сулла, бежавший в лагерь, успел опередить трибунов, и воины, узнав о случившемся, побили посланцев... камнями, а приверженцы Мария в Риме со своей стороны принялись избивать друзей Суллы и грабить их имущество» (Plut. Sulla. 9). Обращает на себя внимание то, как просто происходит эскалация насильственных действий, и то, что читатель не найдет в тексте никакого сожаления о погибших. Позднее этот момент сыграет на руку Цезарю, который сможет набрать политические очки, стараясь избегать жертв в случаях, когда это возможно.

Но, как сказано, это будет позднее. А пока, в рамках конфликта Мария и Суллы, авторы повествуют о крайней жестокости по отношению к соотечественникам. В главном сражении под Римом полководец Суллы Красс одержал победу, после чего Сулла пообещал пощадить три тысячи неприятельских воинов, которые просили о пощаде, при условии, что те сначала нанесут ущерб его врагам – своим союзникам. Неприятель сдержал обещание, но не Сулла. Уцелевших от столкновения с обеих сторон Сулла приказал уничтожить. Наблюдавшие за этим «сенаторы были потрясены, но уже державший речь Сулла, нисколько не изменившись в лице, сказал им, что требует внимания к своим словам, а то, что происходит снаружи, их не касается: там-де по его повелению вразумляют кое-кого из негодяев» (Plut. Sulla. 30).

Сулла убивает своих сограждан хладнокровно, без капли сожаления, дает понять автор. Никакая легитимация ему не нужна, причина расправы очень четко выражена им самим – он «вразумляет негодяев». То же характерно и для Мария: «Многих они (сподвижники. – *А.О.*) убили по приказу или по знаку Мария, а Анхария, сенатора и бывшего претора, повалили наземь и пронзили мечами только потому, что Марий при встрече не ответил на его приветствие» (Plut. Mar. 43).

Очень красноречивы свидетельства Аппиана. Он передает огромный масштаб развернувшегося насилия, показывая, что кровопролитие не могли остановить ни сожаление об убийстве сограждан, ни какие-либо значимые для римлян ценности: «Дело дошло до того, что никого уже больше не могли защитить ни свобода, ни демократический строй, ни законы, ни авторитет власти; поэтому и должность трибуна, священная и неприкосновенная, учрежденная для противодействия преступлениям и для охраны народа, подвергалась насилию и испытывала его» (App. XIII. 33).

Венчает этот ряд ужасных с точки зрения римлянина явлений убийство консула, чья должность была одной из высших магистратур, а сама фигура была неприкосновенной: «Впервые голова консула была повешена на форуме перед ораторской трибуной» (App. XIII. 71). Мощный образ представлен римским историком Аннеем Флором: «Наконец ярость превзошла все пределы ненависти, разделяющей не только граждан, но и внешних врагов, овладела всей Италией и свирепствовала до тех пор, пока оставалось кого убивать» (Flor. II. III. 21).

В представленных выше примерах не просто отражается нарушение пределов допустимого. Гораздо важнее то, как авторы выражают свое недовольство

ситуацией, как прямо и жестко обличают ужасы описываемой ими войны. И здесь на фоне других авторов выделяется Плутарх. В его повествовании мы кроме обычного прямого обличения находим ряд не прямых, очень интересных указаний на то, как следует оценивать гражданскую войну и насилие против сограждан.

Особенно выразительно отсутствие необходимости легитимации права сильного автор демонстрирует на примере знаменитых проскрипций Суллы. Именно Плутарх делает это, иногда опосредованно, а иногда напрямую обличая несправедливость поступков Суллы, в то время как сам Сулла ничего не говорит на этот счет.

Суть проскрипций Плутарх описывает так: «Зато тому, кто умертвит осужденного, он [Сулла] назначил награду за убийство – два таланта, даже если раб убьет господина, даже если сын – отца. Но самым несправедливым было постановление о том, что гражданской чести лишаются и сыновья, и внуки осужденных, а их имущество подлежит конфискации» (Plut. Sulla. 31).

Далее античный писатель продолжает выражать свое видение ситуации. После определения проскрипций идут пояснения. Они представляют собой наложение негативных смыслов на действия Суллы. В самом определении показаны пограничные границы в отношениях «господин – раб», важнейшая ценность отношений отца и сына также перечеркнута. Следом дается указание на пространства, которые были осквернены нелегитимным убийством: «И не остались не запятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей – на глазах матерей» (Plut. Sulla. 31). Очевидно, что указанные места обладают некой ценностью, и через них Плутарх опосредованно показывает, насколько такие действия были неприемлемыми.

Кроме того, гнусность поступков отягощается еще и корыстными мотивами: «Павших жертвою гнева и вражды было ничтожно мало по сравнению с теми, кто был убит из-за денег, да и сами каратели, случалось, признавались, что такого-то погубил его большой дом, другого – сад, а иногда – теплые воды» (Plut. Sulla. 31).

Плутарх выказывает свое негодование и уличает Суллу в несправедливых убийствах. Во-первых, несправедливы, ужасны и трагичны эти действия сами по себе. Во-вторых, их еще более отягощают корыстные мотивы. В-третьих, в тексте явно прочитывается тираническая подоплека, которая для римлянина – синоним всего отрицательного.

Крайне важный момент заключается в том, что античные авторы солидарны в отношении оценок войны, ее причин. Например, Аппиан пишет об этом так: «И все это достойно удивления для всякого, кто желает наблюдать за безмерным честолюбием людей, за их страшным властолюбием, за неисчерпаемой настойчивостью, за бесчисленными и разнообразными бедствиями» (App. XIII. 6). Веллей Патеркул отмечает личный интерес в качестве подоплеку разногласий, легших в основу гражданских войн: «...Разногласия между гражданами, ранее смягчавшиеся уступками, теперь стали разрешаться оружием и войны начинались без каких-либо основательных причин – из-за выгоды, какую они могли принести» (Vell. Pat. II. 3).

В подобных оценках и объяснениях причин гражданских войн сложно усмотреть даже намеки на попытку легитимировать их. Линия повествования авторов, их ремарки выносят однозначный и суровый вердикт. Примечательно в данном

случае именно то, что Сулла не делает попыток легитимировать насилие, которое чинит над согражданами. Легитимация выполняет при насильственных поступках важную роль – она помогает осмыслить трагически воспринимаемое насилие, каким-либо образом отрефлексировать его. Само насилие часто выступает в роли аффективного действия, импульсивного поступка, сопряженного с эмоциями. Между тем легитимация всегда происходит для общества, для других и поэтому может рассматриваться как вариант рефлексии. По этой причине молчание Суллы вынужденно компенсируется Плутархом. Он крайне интересно показывает отсутствие легитимности – через характер героя повествования и его окружение. Историю с Катилиной на фоне уже показанной несправедливости он выделяет особо и называет этот случай «самым неслыханным».

Приведем его рассказ: «Самым неслыханным, однако, был, видимо, случай с Луцием Катилиной. Еще до того, как положение в государстве определилось, он убил своего брата, а теперь просил Суллу внести убитого в список, словно живого, что и было сделано. В благодарность за это Катилина убил некоего Марка Мария, человека из стана противников Суллы. Голову его он поднес сидевшему на форуме Сулле, а сам подошел к находившемуся поблизости храму Аполлона и умыл руки в священной кропильнице» (Plut. Sulla. 32).

Плутарх, представляя Катилину как воплощение порочного гражданина и описывая осквернение священного места, показывает свое негативное отношение к убийству сограждан, инициированное Суллой. Убийство и святотатство оказываются в одном контексте, что добавляет повествованию выразительности и усиливает впечатление. Подбор персонажа, совершившего убийство, и описание святотатства, совершенного им именно у храма Аполлона, в этом плане также очень показательны.

Плутарх между тем сообщает, что Сулла носил изображение Аполлона на шее. А в решающем сражении даже просил Аполлона о помощи. Является ли случайностью вкрапление в повествование упоминания об этом? Два фрагмента, первый – об обращении Суллы к Аполлону, а второй, где Катилина убивает противника Суллы и оскверняет храм Аполлона, находятся в разных частях текста. Таким образом писатель опосредованно, не напрямую показывает неблагодарность Суллы по отношению к богам, чтобы вызвать у читателя еще большее негодование.

Плутарх говорит о Катилине еще в одном месте – в биографии оратора и политика Цицерона. Перечень пороков Катилины в этом тексте затмит портрет даже самого выдающегося героя-антагониста: «...Луций Катилина, человек дерзких и широких замыслов и коварного нрава. Не говоря уже о других крупных преступлениях, его обвиняли в том, что он лишил девства собственную дочь и убил родного брата; из страха перед карою за второе из этих злодеяний он уговорил Суллу включить убитого в список осужденных на смерть, словно тот был еще жив. Поставив его (Катилину. – *А.О.*) над собою вожаком (речь о заговоре. – *А.О.*), злодеи поклялись друг другу в верности, а в довершение всех клятв закололи в жертву человека и каждый отведал его мяса» (Plut. Cic. 10).

Заметим, что, демонстрируя отсутствие легитимности поступков Суллы через описание его характера и его окружение, Плутарх точно следует традициям римского суда, где личные качества и наличие у подсудимого гражданских добродетей

телей имели огромное значение при вынесении вердикта. Кроме того, личные качества играют важную роль в легитимации насилия и для положительных персонажей. Ярчайшим примером является Квинт Серторий. Биография Сертория также приводится Плутархом в числе трех, связанных с первой гражданской войной в Риме.

Серторий представлен как достойный римлянин: «...Ибо он боролся за свободу римлян... Ведь он любил свое отечество и страстно желал возвратиться на родину» (Plut. Sert. 22). Серторий сражается ради свободы римлян, он борется против Суллы-тирана и смеется над Помпеем – учеником Суллы-тирана. Серторий любил отечество и ненавидел тиранов, что для римлянина в принципе означало одно и то же.

Итак, мы показали, что ни Сулла, ни Марий не говорят ничего о совершаемых ими действиях и не дают им оценки, зато об этом пишут римские авторы. Далее на данном этапе важно обозначить границу между насилием приемлемым и недопустимым. С одной стороны, в цитатах из античных авторов содержится негативная оценка насилия, а с другой – в рамках гражданской войны римляне убивают римлян без сожаления. К тому же в повествовании присутствует Серторий, воюющий против сограждан и при этом остающийся положительным персонажем.

Возникает вопрос: почему убийство в одном случае воспринимается трагически и требует легитимации, а в другом этого не требуется? Исходя из представленных ранее соображений, на данный вопрос можно дать два ответа.

Первый ответ заключается в ссылке на прием авторского обобщения. Все античные авторы, пишущие о гражданских войнах, одинаково солидарны в том, что гражданская война – это страшная трагедия. Они, не жалея сил и не скупясь на пафос, показывают, каким ужасом эта война обернулась для граждан Рима. Следуя этой логике, можно утверждать, что любое убийство сограждан не может быть легитимным.

Другой вариант ответа на поставленный вопрос заключается в том, что насилие всегда определяется ситуативно. В одном случае Сулла и Марий вынуждены оправдывать свои действия, в другом – нет. Всё зависит от политической необходимости, от ситуации, а легитимация насилия происходит, как правило, постфактум. В связи с этим вопрос, что является насилием, а что не является таковым, автоматически переносится в область риторики. Получается очень гибкая конструкция, которая вместе с использованием риторики может быть отличным политическим инструментом.

Но крайне важно отметить: вся конструкция может работать только в нормальных условиях, когда политические институты функционируют исправно. В ситуации кризиса всё выглядит иначе. Нет легитимации насилия, когда претворяется в жизнь право сильного, право победителя. Она нужна в шаткой и уязвимой иллюзии мира и свободы. Именно поэтому сами герои в источниках практически не объясняют совершаемые ими убийства.

Тем не менее, как уже было сказано, насилие всегда сопровождается легитимацией, указанием на нее. Вопрос о легитимации подразумевается даже там, где не проговаривается. Эти подразумеваемые, не проговариваемые смыслы будут охарактеризованы далее в виде возможных сценариев.

Сценарий 1. Поведение Суллы опосредовано войной.

Военные подвиги в целом признаются Плутархом как достойные восхищения. Античный автор не высказывается против убийств, если речь идет о войне. Он осуждает убийства сограждан.

По этому сценарию объяснить поведение Суллы можно через гипотезу, связанную с уже высказанной идеей о том, что Сулла действовал по праву сильного. Добавим к этому еще и контекст гражданской войны, в рамках которой состоялся первый вооруженный конфликт. Ярчайшим образом это отразил Аппиан: «...Произошла встреча врагов, в первый раз в Риме, уже не в виде междоусобной распри, но по-настоящему, под звуки труб, в предшествии знамен, по военному обычаю» (App. XIII. 58). Он констатирует отношение воюющих к Республике: «...Сама родина служила им как бы призом» (App. XIII. 55). Если раньше Республика была самоцелью, то теперь стала лишь разменной монетой, призом в жестокой борьбе за власть. Вполне естественно, что противоборствующие стороны стали друг для друга военными противниками: «...Сулла вошел в город как враг и на мыслях и на деле...» (App. XIII. 58).

Плутарх также говорит об отношении сограждан к согражданам как к врагам: «Он не следовал заранее намеченному плану, но, потеряв власть над собой, предоставил своему гневу распоряжаться происходящим. Перед глазами его были одни враги...» (Plut. Sulla. 9). Попытка автора прочитать поведение Суллы носит оценочный характер, но показывает как минимум то, что от сограждан не ждут, что они будут обращаться друг с другом как враги.

Раз с обеих сторон выступают граждане Рима, то требуется определить, кто из них представляет Республику и заботится о ее благе. Следуя этой логике, одна из сторон становится защитницей Республики, другая же врагом, с которым воюют по правилам военного дела. После военных столкновений естественным образом определяются победитель и побежденный. В этом смысле Сулла действует как сторона, победившая в войне, не принимая в расчет, что поверженные враги – его сограждане.

Сценарий 2. Мечь.

Один из вариантов легитимации насилия, а если говорить точнее, ситуации, в которой насилие легитимно по определению, – это мечь. Для Плутарха немислимо, когда за поступок не отплачивают той же монетой. На насилие отвечают насилием, но и на пощаду, согласно представлениям римлян, должно ответить пощадой: «...За голову Мария Сулла назначил награду, не обнаружив тем самым ни благоразумия, ни порядочности – ведь совсем незадолго он, придя в дом Мария и сдавшись на его милость, был отпущен целым и невредимым. <...> Сенат втайне досадовал на это, а народ и на деле дал Сулле почувствовать свою враждебность и возмущение» (Plut. Sulla. 10).

По Аппиану, Сулла отправляет в сенат послание, перечисляя свои заслуги, и ставит в укор то, как ему отплатили за всю пользу, которую он принес отечеству: «...Партийные недруги объявили его врагом отечества, разрушили его дом, убили его друзей, его жену, а ее дети с трудом спаслись к нему. Теперь он немедленно же явится на помощь Риму и отомстит врагам за все ими содеянное» (App. XIII. 77).

Иначе говоря, Сулла пишет о злочлечениях и несчастиях, чинимых ему врагами. Но в логическом следствии, которое он делает, причина насильственных действий с его стороны – месть за Рим.

Сценарий 3. «Республика – это я».

Тот случай, когда Сулла предпринимает что-то для объяснения своих действий. Основа на этот раз политико-правовая: «Но, не говоря об убийствах, и остальные поступки Суллы тоже никого не радовали. Он провозгласил себя диктатором, по прошествии ста двадцати лет восстановив эту должность. Было постановлено, что он не несет никакой ответственности за все происшедшее, а на будущее получает полную власть карать смертью, лишать имущества, выводить колонии, основывать и разрушать города, отбирать царства и жаловать их, кому вздумается» (Plut. Sulla. 33).

Данный фрагмент можно считать примером ситуации, когда Сулла сам легитимирует причиняемое гражданам насилие. Легитимация осуществляется посредством должностных, магистратских полномочий и апелляции к традициям Республики. Такое действие и в таком контексте исследователь Дж. Гауган интерпретирует как отождествление Суллы с Республикой, которое как бы дает ему право на применение насилия [1, p. 126].

На основании анализа трудов римских авторов сделаны следующие выводы.

1. Обнаружено, что в конфликте Суллы и Мария дают оценку насилию, пытаются объяснить его только античные авторы, но не участники событий.

2. После того как создается прецедент, легитимация становится необходимой. В конфликте Суллы и Мария насилие маркируется в основном авторами. Но уже в следующем конфликте – в борьбе Цезаря против Помпея – возникнут ситуации, когда сами герои будут выражать сожаление и стараться легитимировать свои поступки.

3. Если кратко передать суть каждого из представленных сценариев, то получится интересная картина. В первом Сулла выступает как военная сила Республики против врагов Республики, и это дает ему право на насилие. Во втором сценарии он мстит за Рим. В третьем – отождествляет себя с Римом, и в таком случае его враги автоматически становятся врагами Республики.

Источники

- App. – *Аппиан Александрийский*. Римская история / Пер. С.А. Жебелёва. – М.: Наука, 1998. – 726 с.
- Plut. – *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Отв. ред. С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 702 с.
- Vell. Pat. – *Веллей Патеркул*. Римская история // Малые римские историки: Веллей Патеркул. Римская история; Анней Флор. Две книги Римских войн; Луций Ампелий. Памятная книжица: Пер. с лат. / Изд. подгот. А. Немировским. – М.: Ладомир, 1996. – С. 11–99.
- Flor. – *Анней Флор*. Две книги Римских войн // Малые римские историки: Веллей Патеркул. Римская история; Анней Флор. Две книги Римских войн; Луций Ампелий. Памятная книжица: Пер. с лат. / Изд. подгот. А. Немировским. – М.: Ладомир, 1996. – С. 99–190.

Литература

1. *Gaughan J.* Murder Was not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic. – Austin: Univ. of Texas Press, 2010. – xviii, 224 p.
2. *Блок М.* Апология истории. – М.: Наука, 1973 – 232 с.
3. *Hope V.M.* Roman Death: The Dying and the Dead in Ancient Rome. – London: Continuum, 2009. – 256 p.
4. *Nippel W.* Public Order in Ancient Rome. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. – 176 p.
5. *Lintott A.* Violence in Republican Rome. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. – 272 p.
6. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. – М.: Праксис, 2010. – 264 с.

Поступила в редакцию
23.03.2021

Кудратов Алик Олегович, аспирант кафедры археологии и всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: alik.kudratov@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 3, pp. 126–136

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.126-136

**Legitimation of Violence in the Civil Wars
between the Marians and Sullans**

A.O. Kudratov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: alik.kudratov@gmail.com

Received March 23, 2021

Abstract

Through the analysis of various research approaches, a method for reconstructing the Roman conception of violence was developed. This method was applied to answer the question of tolerance and disapproval expressed towards political murders in the Roman Republic: depending on the context, such murders were qualified as either violence or acts of justice. The markers used by ancient authors to show their disregard to violent actions caused by political reasons were singled out. The role of legitimation practices in this process was revealed. The interpretation of such events by ancient authors was analyzed. The characteristics of the main characters in their narratives were considered. It was found that the precedent of the first real civil war caused a crisis of the traditional system of values and promoted a search for new values to legitimate the previously unfamiliar phenomena. Based on the results obtained, several scenarios for violence justification in the Roman Republic during the civil wars of the 1st century B.C. were introduced: firstly, the relations between the citizens were built as between the “winners and losers” when an armed civil conflict escalated into the war; secondly, revenge became a common motive

among the Romans for turning to violence; thirdly, the formal side of laws intended originally to protect the rights of the Roman citizens was often used during the time of conflicts to legitimize violence against them.

Keywords: history of Roman Republic, legitimation of violence, Plutarch, civil wars in ancient Rome, civil wars of Marius and Sulla

References

1. Gaughan J. *Murder Was not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic*. Austin, Univ. of Texas Press, 2010. xviii, 224 p.
2. Bloch M. *Apologiya istorii* [The Historian's Craft]. Moscow, Nauka, 1973. 232 p. (In Russian)
3. Hope V.M. *Roman Death: The Dying and the Dead in Ancient Rome*. London, Continuum, 2009. 256 p.
4. Nippel W. *Public Order in Ancient Rome*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1995. 176 p.
5. Lintott A. *Violence in Republican Rome*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1999. 272 p.
6. Habermas J. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [Legitimation Crisis]. Moscow, Praxis, 2010. 264 p. (In Russian)

Для цитирования: Кудратов А.О. Легитимация насилия в гражданских войнах марианцев и сулланцев // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 3. – С. 126–136. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.126-136.

For citation: Kudratov A.O. Legitimation of violence in the civil wars between the Marians and Sullans. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 3, pp. 126–136. doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.126-136. (In Russian)